

М. В. Бибиков

BYZANTINOROSSICA

Свод византийских свидетельств о Руси

I

STUDIA PHILOLOGICA

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

М. В. Бибиков

BYZANTINOROSSICA

Свод византийских свидетельств о Руси

I

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2004

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ББК 63.3(2)4

Б 59

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 03-01-00293

Бибиков М. В.

Б 59 **BYZANTINOROSSICA: Свод византийских свидетельств о Руси / Рос. Академия наук; Ин-т всеобщей истории. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 736 с. — (Studia philologica).**

ISSN 1726-135X

ISBN 5-9551-0042-3

Свод византийских свидетельств IX—XV вв. о Руси представляет историографические, актовые, литературные источники, ономастикон персоналий, географических терминов и др. данных, рукописные материалы, надписи, печати, содержащие сведения о Руси и русских. Аналога подобного труда, обобщающего источниковедческие исследования по русско-византийской проблематике, не существует в мировой практике. Подготовка сводного лексикона материалов византийских источников IX—XV вв. по отечественной истории является итогом многолетнего изучения темы автором работы, отраженным в ряде публикаций. Корпусный характер настоящего исследования предусматривает анализ не только свидетельств уже известных науке материалов византийских хроник, исторических мемуаров и актов, но и трудных для исторической интерпретации памятников риторики, эпистографии, личных заметок средневековых авторов, поэм и стихов.

В своде вводятся в научный оборот и рукописные записи, колофоны и маргиналии, содержащие свидетельства о Руси, данные неопубликованных поздневизантийских источников. Историко-аналитическая часть труда посвящается источниковедческой интерпретации свидетельств о славянах и Руси, начиная с антской и варяго-росской проблем и кончая обзором материалов афонских архивов поздневизантийского периода. Справочный раздел содержит краткую характеристику всех исследуемых источников с обоснованием их датировок, атрибуций, изложением основных направлений полемики в спорных случаях их идентификации. В отличие от аналогичных сводов по другим регионам (например, «Византинотурцика» Д. Моравчика), терминологический материал предполагается представить не изолированно, но в макроконтексте.

ББК 63.3(2)4

*В оформлении переплета использована
миниатюра из Кодекса Святослава (1073 г.)*

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavica@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-9551-0042-3

9 785955 100425

© Бибиков М. В., 2004

© Языки славянской культуры, 2004

MATRI MEAE
TATIANAE THEODORI F.

Содержание

Предисловие	9
-----------------------	---

Часть I

Византийские источники о славянах и Древней Руси

Введение	15
<i>Глава 1. Кто были анты? Славяне и анты глазами византийцев.</i> V—VII вв.	27
<i>Глава 2. «Племя неведомое, племя бесчисленное, племя от края земли». Имя Руси в византийской традиции.</i> IX—середина X в.	41
<i>Глава 3. Когда была крещена Русь? Взгляд из Византии</i>	57
<i>Глава 4. Война и мир в русско-византийских отношениях.</i> X—начало XIII вв.	68
1. Русь в византийской дипломатии: договоры Руси с греками X в.	68
2. Княгиня Ольга в Константинополе	74
3. Походы Святослава	81
4. Последняя война Руси и Византии	88
5. Русский воинский корпус в Византии	93
6. Русские княжества и Византия в XII—XIII вв.	97
<i>Глава 5. Церковные связи Руси и Византии</i>	106
<i>Глава 6. Образ Руси в византийской литературе: география и население. XII—XIII вв.</i>	116
<i>Глава 7. На перекрестке культур</i>	122
Библиография	
Источники	130
Литература	134

Часть 2

Свод византийских источников	143
---	------------

*Часть 3***Ономастикон.**

Свод византийских свидетельств о Руси	507
--	------------

English Summary	734
---------------------------	-----

Предисловие

Предлагаемый читателям труд представляет собой анализ и публикацию корпуса свидетельств византийских источников IX—XV вв. по древнерусскому периоду отечественной истории, истории международных связей средневековой Восточной Европы. В книге представлена источниковедческая база для исследования истории русско-византийских связей — государственных, церковных, экономических, культурных, династических и др. Данный свод впервые на современном уровне обобщает все свидетельства византийских источников IX—XV вв. по истории Руси, вводит в научный оборот неопубликованные материалы византийских рукописей, актов, эпиграфических памятников.

Публикация свидетельств источников и их корпусный анализ является важнейшей научной задачей как современного византиноведения, так и славистики и отечественной истории. Несмотря на длительную традицию изучения русско-византийских и славяно-византийских отношений, до сих пор подобного корпуса не создано, и пятитомник Й. Штриттера двухсотлетней с лишним давности остается единственным подобного рода изданием. Лишь отдельные источники (Константин Багрянородный, Иоанн Киннам, Лев Диакон) изданы и откомментированы на современном уровне. Значение византийских источников для изучения истории Руси и всей Восточной Европы определяется тем, что для раннего периода восточноевропейской истории (до XI—XII вв.) именно они содержат уникальные сведения, не имеющие аналогов в древнерусских источниках более позднего времени.

Представленный в настоящем труде ономастикон (часть 3) содержит все выявленные в византийских письменных памятниках этнические, личные, географические имена и названия, социально-политические термины, хозяйственно-экономические и правовые реалии, имеющие отношение к Руси. Источниковедческий раздел (часть 2) представляет краткую характеристику всех используемых источников, обоснование датировок и атрибуций, указание на объем и содержание их свидетельств о Руси.

Последние два-три десятилетия отмечены всплеском интереса к зарубежным источникам по отечественной истории, представляющим собой существенное дополнение к имеющимся материалам древнерусских исторических и литературных памятников, особенно по древнейшему периоду истории Руси. 90-е годы XX в. ознаменовались новыми качественными сдвигами в этой области, во многом благодаря появлению публикаций византийских текстов с переводами (в частности, в серии «Древнейшие источники по истории Восточной Европы»). Вместе с тем, несмотря на очевидные достижения как отечественных, так и зарубежных специалистов в изучении тех или иных конкретных памятников, до сих пор отсутствует сводная аналитическая публикация корпуса византийских свидетельств во всем их объеме—с IX в. (первое упоминание Руси) до XV (завершение эпохи византийской историографии после падения Византийской империи). На решение этой задачи направлен представляемый труд.

Подготовка данного издания является итогом многолетней работы автора по поиску, изучению и публикации свидетельств византийских исторических источников по истории Руси и славян. Среди публикаций на эту тему следует назвать монографии «Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа» (1981 и 1998), «Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы» (1997), публикацию в соавторстве комментариев в книге «Константин Багрянородный. Об управлении империей» (1989 и 1991), византийский раздел в коллективном труде «Древняя Русь в свете зарубежных источ-

ников» (1999) и многие другие работы. Предлагаемый свод Византийских источников должен занять свое место среди изданных в прошлые годы подобных изданий византийских источников по истории тюркских народов (Д. Моравчик), ранних славян (под ред. Г. Г. Литаврина), венгров (Л. Олайош и др.), авар (под ред. Г. Садецки-Кардош), народов юго-восточной Европы (под ред. Я. Ферлуги) и др.

Автор считает своим приятным долгом выразить благодарность Российскому гуманитарному научному фонду, по программе гранта которого осуществлялась подготовка настоящей книги, а также Фонду Александра Гумбольдта, стипендия которого позволила получить доступ к европейским библиотекам и собраниям рукописей.

Всем учителям, коллегам и помогавшим в подготовке настоящего издания ученикам — низкий поклон.

Часть 1

Византийские источники о славянах и Древней Руси

Введение

В комплексе иноязычных источников по древнейшей истории нашей страны важное место занимают византийские письменные памятники. С одной стороны, они представляют собой самый объемный корпус свидетельств, воспроизводящих непрерывную картину развития восточноевропейского региона с IV по XV в. С другой — эти свидетельства обладают достоинством повествований очевидцев — непосредственных участников исторических событий начальной истории Древнерусского государства (константинопольский патриарх Фотий, император Константин Багрянородный, Лев Диакон, Михаил Пселл и др.). Византийские актовые и нарративные тексты составляют основной фонд свидетельств о Древней Руси, начиная с IX в.

Изучение византийских источников строится на сочетании анализа разножанровых памятников: как повествовательных текстов-хроник и исторических мемуаров, литературных прозаических произведений и исторических поэм и стихов, так и актовых — международных договоров, императорских грамот (хрисовулов), монастырских уставов и описей, сохранивших материалы, касающиеся отечественной истории.

Первостепенное внимание уделяется византийским историографическим памятникам (Бибииков, 1996а). Ранневизантийская историографическая традиция IV—V вв. сочетала в себе как элементы развития позднеантичных принципов исторического повествования (Приск Панийский, Зосим и др.), так и черты освоения новых категорий исторического миро-

видения, связанного прежде всего с церковной историей (Евсевий Кесарийский, Феодорит Киррский, Захарий Ритор и др.). Становление же собственно раннесредневековых принципов историографии связывается с именами Прокопия Кесарийского, Агафия, Феофилакта Симокатты и др. Именно в этих пространных историографических трудах дошли до нас древнейшие свидетельства о славянских племенах Восточной Европы.

Начало классического периода в развитии византийской исторической мысли (VIII—XII вв.) обычно связывают с анналистикой Феофана Исповедника (ок. 760—818 гг.), хрониками Георгия Синкелла (ум. вскоре после 810 г.) и патриарха Никифора (758—828 гг.). Для древнерусского летописания огромное значение имели памятники IX—X вв., легшие в основу славянских переводов и летописных текстов по начальной истории Руси, славян, всего окрестного мира. Это—хроники Георгия Амартола (завершена ок. 866/867 г.), Продолжателя Георгия (Логофета) (доведена до 978 г.), Псевдо-Симеона (доведена до 963 г.) и другие хронографические, часто анонимные тексты (например, «О Льве Армянине»).

Историография эпохи «византийского энциклопедизма» X в. представлена сочинениями императора Константина Багрянородного (905—959 гг.), Хроникой Продолжателя Феофана (создана ок. 950 г.), включая «Жизнеописание императора Василия», «Книгами царств» Генесия (сер. X в.), «Историей» Льва Диякона (написана после 992 г.). Почти все они, будучи выдающимися памятниками средневековой мысли, содержат обширные, в основном уникальные—при отсутствии других синхронных источников,—сведения по истории Руси, ее политическому устройству, военным кампаниям, просопографии, хозяйственно-экономической жизни, дипломатии и культуре.

Замечательные историософские и литературные памятники XI в., такие как мемуарные записки Михаила Пселла (1018—после 1096/1097 гг.) или монументальная хроника Иоанна Скилицы (после 1040—1100 гг.) и ее Продолжателя (завершена после 1101 г.), также являются важнейшими источниками по истории русско-византийских взаимоотношений этого вре-

мени. Своеобразным итогом развития классического периода византийской исторической мысли представляется историография эпохи Комнинов (династии византийских императоров, правивших с 1081 по 1185 гг.) конца XI—XII вв. Свидетельства очевидцев — историка Иоанна Киннама (после 1143 — нач. XIII в.), мемуариста Евстафия Солунского (ок. 1115 — ок. 1196/1197 гг.), писателя и ритора Никиты Хониата (ок. 1155 — 1217 гг.) — касаются истории Руси и ее места в сложной структуре международной политической жизни средневекового мира в самый канун монголо-татарского завоевания.

Поздневизантийские «малые хроники», отдельные хронографические тексты, по большей части неизданные и потому неизвестные широкому кругу читателей и специалистов, также содержат важные данные о древнеславянской и русской истории, в частности, о расселении славян в Европе, о крещении Руси и т. п.

Особое место в византийском источниковедении отечественной истории занимают источники других жанров — риторические сочинения, поэтические произведения исторического содержания, эпистолярные сочинения (послания, письма), памятники агиографии, специальные трактаты (географические, воинские, обрядовые, юридические), а также акты — международные договоры, императорские хрисовулы, патриаршие постановления и послания, монастырские уставы и описи, судебные постановления. Все эти категории византийских источников содержат богатейшие материалы по отечественной истории (Бибиков, 1981). Однако информация в беллетризованных текстах подчас носит не прямой, а скрытый характер, и ее интерпретация нуждается в особой методике. Поэтому в данном случае специальное внимание уделяется методике источниковедческого анализа разнотипных, разножанровых и хронологически достаточно отстоящих один от другого памятников.

Так, важнейшее место в круге источников по начальной русской истории занимают агиографические сочинения — жития святых, деяния мучеников и святителей, чья судьба в той или иной степени оказалась связанной с Северным Причерно-

морьем, Таврикой, Русью. Характер известий определяется здесь особым характером историзма житий, спецификой отражения апокалиптического сознания в языке (Бибиков, 1996б).

В отличие от издавна изучаемых исторических трудов, византийские риторические сочинения лишь в нынешнем столетии стали привлекать специальное внимание историков. Действительно, сложность языка речей, передача информации в форме иносказаний, цитат, поэтических фигур затрудняет их анализ с исторической точки зрения. Но именно в них в последние десятилетия обнаружены интересные сведения. Например, выясняется, что за общими словами «северный», «далекие варвары» и другими скрывается упоминание об участниках конкретных событий современной политической жизни. При бедности прямой информации на уровне фактологии эти памятники поддаются анализу в интересующем нас аспекте именно при выявлении их внутренних идейно-художественных авторских тенденций. Так, конкретно-историческое исследование данных византийской риторики позволяет использовать многочисленные материалы, относящиеся к нашей теме: это сочинения Феодора Продрома, Михаила Италика, Никифора Васибеки, Михаила Ритора («Анхильского»), другого ритора Михаила («Солунского»), Иоанна Диогена, Михаила Хониата, Никиты Хониата, Евстафия Солунского, Сергия Коливы, Иоанна Сиропула, Никофора Хрисоверга, Николая Месарита, митрополита Георгия Торника, Димитрия Торника, Георгия Торника—ритора, Константина Стилва, Иоанна Апокавка и др. Большинство из них вообще не рассматривались в обобщающих работах по отечественной истории, другие оказываются теперь доступными в новых изданиях, дополняющих и уточняющих старые чтения текстов.

Риторичность писем византийских авторов также нередко затрудняет их исторический анализ. Элементы деконкретизации, стереотипы образов и выражений, традиционность тематики и стиля посланий вызваны тем, что византийская эпистолография представляет собой один из жанров литературы и имеет свои законы. И вместе с тем, письмо— акт непосредственного сиюминутного общения, и потому оно содержит инте-

ресные актуальные свидетельства, переданные в аллюзиях, аллегориях, стандартных формулах. Поэтому при анализе данных эпистолярных памятников важно уловить информацию в синтезе непосредственно отражаемого факта и традиционного, «этикетного» рассказа о нем. Источниковедческая задача здесь — не препарировать источник, расчлняя его, отбрасывая все литературное, этикетное, стереотипное и оставляя для исторического исследования фактологическую часть, но увидеть в этой форме способ мышления и способ описания фактов, распознать стоящую за ними информацию.

Подобным же сложным характером обладают и стихотворные сочинения византийских риторов. Написанные по поводу тех или иных событий общественной жизни так называемые исторические стихотворения также насыщены литературными штампами, образами и формулами, за которыми стоят важные сведения по военной и политической истории, просопографии, международным связям.

Необходимость осмысления жанровых особенностей источника как первой ступени на пути к исследованию исторической информации в той же мере касается византийского романа, полемических трактатов, схолий, комментариев, содержащих свидетельства по нашей теме.

Наряду с нарративными источниками, ценные материалы по истории Руси и русско-византийским связям содержат актовые памятники. Объем сведений византийских актов XI—XIII вв. по нашей теме возрастает по сравнению с более ранним временем: с этого периода документы — императорские хрисовулы, простагмы («приказы»), патриаршие послания, синодальные постановления, описи и купчие грамоты — постепенно, особенно с XIII в., становятся важнейшим источником исторических исследований. Интереснейший материал представляют акты, хранящиеся в афонских архивах — Русского монастыря, монастырей Ксенофонта, Пантократора, Хиландаря, Эсфигмена, Зографа, Филофея, Иверского и др. Акты до начала XIII в. представляют собой древнейший пласт афонского архива.

Особый интерес при изучении актового материала вызывают византийские документы, сохранившиеся лишь в перево-

дах — древнерусских, латинских, древнеармянских и т. п., а также сочинения древнерусских политических и церковных деятелей, сохранившиеся только в греческой версии (Леона Преславского, Иоанна Русского), а также международные послания на Русь из Византии (императора Михаила VII Дуки, константинопольских патриархов Николая Музалона, Луки Хрисоверга, Германа II).

Наконец, специальную группу византийских источников, важных для истории Руси, представляют собой легенды печатей древнерусских князей и церковных иерархов на греческом языке, формулы актов, легенды монет, а также большой корпус мало пока, к сожалению, изученной греческой средневековой эпиграфики. Получаемые данные во многих случаях необходимо сопоставлять и с результатами изысканий нумизматов, археологов и топонимистов.

Итак, перед исследователем встает проблема содержания и формы в историческом источнике. Риторичность, неконкретность, традиционализм формы произведения или документа как бы нивелирует черты активной, личностно окрашенной политической тенденции, идеологических установок авторов. Однако методика внутреннего имманентного анализа структуры источника предполагает выявление в застывших литературных и формульных «вечных» образах данных личного опыта, конкретных наблюдений по истории интересующего нас общества и тем самым позволяет выявить и оценить историческую информацию разножанровых источников.

* * *

Невозможно строго определить хронологическую грань начала освоения византийских сочинений в России. Эта традиция уходит корнями в памятники истории и публицистики Древней Руси. Византийские хроники Иоанна Малалы, Георгия Синкела, Георгия Амартола, патриарха Никифора использовались уже составителями «Повести временных лет», «Еллинского» и «Римского летописца», хронографов, «Хронографической Толковой палеи» в качестве источника сведений

по древнейшим периодам всемирной истории, раннему христианству, расселению и обычаям различных народов. Переводные сочинения и хронографические памятники Руси опирались в основном на византийские компиляции, причем на материалы, относящиеся главным образом к событиям далекого прошлого.

Иная тенденция характерна для публицистики. Церковно-полемические сочинения (например, «Слово Феодосия Печерского о вере крестьянской и о латыньской»), риторическая и мемуарно-публицистическая литература («Повесть о взятии Богохранимого Константина-града от фряг», «Повесть Симеона Суздальского об осьмом соборе» и др.) связаны с проблемами своего времени и опираются на современную им византийскую традицию.

Политические установки, обусловленные задачами укрепления Русского централизованного государства, также обосновывались примерами исторического прошлого, на основе чего и возникали религиозно-политическая теория «Москвы — третьего Рима», концепции мировой истории в «Сказании о Вавилоне-граде», «Сказании о князьях Владимирских», «Повести о Новгородском белом клобуке», идеи о происхождении московских князей от императора Августа.

Семнадцатый век считается временем становления русской исторической науки, когда осмысление исторического материала проникалось элементами рационализма и целесообразности (Бибииков, 1981, с. 8 и сл.). Задачи избирательно-критического, целенаправленного подхода к источнику отразились и на характере освоения византийских памятников. Византийский материал, наряду с античным, лег в основу «Василиологиона» Н. Г. Спафария-Милеску, целью которого было доказательство преимущества монархии, что обосновывалось историческим опытом Византии. Нашли свое место византийские источники и в «Учении историческом», созданном по повелению царя Феодора Алексеевича с целью «изо всех историков, но и еллинских, и латинских, и польских собрать во единой исторической книге» материалы по отечественной истории (Замысловский, 1871. Прил. С. XLIII).

Зарождение византистики в Западной Европе связывается с развитием классических штудий в XIV—XV вв. Важное значение имели переводы Бруни Аретино и Христофоро Персона источников по истории народов Восточной Европы — сочинений Прокопия Кесарийского и Агафия Миринейского, издательская деятельность венецианских гуманистов, издания Альда Мануция. В XV—XVI вв. появляются первые опыты изучения византийских источников по истории тюркских народов (8-томная «Туркогrecия» Мартина Крузия), а издание Иеронимом Вольфом серии трудов византийских историков — Никиты Хониата, Никифора Григоры, Лаоника Халкокондила — открывало путь для исследований материалов важнейших византийских источников по истории Руси и Причерноморья.

Эти традиции были развиты учеными эрудитской школы в конце XVI—XVII в. Издательская и исследовательская деятельность «мавристов» (Ж. Мабильон, М. Буке, Б. Монфокон) и «болландистов» (Ж. Болланд, Д. Пето), крупнейшее событие — выход с 1645 по 1711 г. под руководством Ф. Лаббе 42 томов Парижского корпуса византийских историков (Иоанна Кантакузина, Кедрина, Феофилакта Симокатты, Никиты Хониата), где впервые были изданы многие тексты (Феофана, Георгия Синкелла, Михаила Глика), подготовили условия для источниковедческих занятий в XVIII в. с целью изучения русских древностей. Эти издания легли в основу русских сводов византийских источников по национальной истории — И. Штриттера и др.

На XVIII в. приходится начало научного исследования византийских источников в России. В. Н. Татищев опирается на таких византийских авторов XII в., как Иоанн Цец, Зонара, Евстафий, Никита Хониат, Михаил Глика. Их свидетельства даны в сопоставлении с русскими летописными известиями. Материалы античных и византийских писателей составляют самостоятельные разделы «Истории Российской», посвященные истории скифов, сарматов, гетов, готов и других народов Причерноморья.

С 1771 по 1779 г. вышло издание выдержек из византийских источников, подготовленное И. Штриттером (*Memoriae*).

Его свод до сих пор остается наиболее объемным трудом такого рода, куда включены известия византийцев за весь период существования Византийской империи—с IV до середины XV в. Основная часть свода Штриттера была тогда же переведена на русский язык (см.: ИВИ).

В XVIII в. дальнейшее развитие получает издание византийских источников за рубежом. Это 14 томов «Греческой библиотеки» (1705—1728 гг.) А. Фабрициуса, итальянская серия Л. А. Муратори, Венецианский корпус византийских источников (1722—1733 гг.) и свод соборных актов И. Манси.

Началась систематическая публикация полных переводов важнейших византийских источников, содержащих сведения и о Руси, и о ближайших ее соседях. В середине XIX в. выходят 10 томов переводов византийских историков (серия «Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской духовной академии», 1858—1863). В 1853 г. Р. И. Минцлов сделал доклад о проекте «соединить все сведения, рассеянные в писателях греческих и римских, до времен византийских, о народах, обитавших по северным берегам Черного моря, в области нынешней России». Откликом на это выступление стала публикация К. Гана, вторая часть которой посвящена византийским писателям. Приведенные свидетельства не ограничиваются Кавказом, а охватывают весь восточноевропейский регион от Дона до Волги.

В самом конце XIX в. появилась и первая собственно византиноведческая работа по рассматриваемой теме. Ю. А. Кулаковский собрал данные классических, главным образом византийских (вплоть до XV в.), источников о народах Северного Кавказа (Кулаковский, 1899). Целью работы было доказать автохтонность аланского (индоевропейского) населения Северного Причерноморья, определить значение христианства для данного региона, выявить международные связи ранне-средневекового Аланского государства.

Русская византиноведческая школа была создана В. Г. Васильевским. Его ранние работы—«Византия и печенеги», «Варяго-русская и варяго-английская дружины в Константинополе XI—XII вв.»—посвящены вопросам русско-византийских

отношений, истории кочевников, международной политической жизни средневековой Европы. Васильевский не только проводил детальный анализ вводимых им в научный оборот новых источников, но и на их основе решал крупные проблемы русской истории (Васильевский, 1908—1930). Немалое место рассматриваемая проблематика заняла в творчестве другого русского византиниста—Ф. И. Успенского. В его работах решались проблемы славянской государственности, участия русских и куманов в освобождении Болгарии от византийского господства, византийских традиций на Руси, которые оценивались им с позиций панславизма и православия, истории Трапезунда (Успенский Ф. И., 1913—1948). Обобщению конкретных наблюдений в области истории русско-византийских отношений были посвящены монографии В. С. Иконникова, Ф. А. Терновского и Х. М. Лопарева. События византийской истории рассматриваются в них с точки зрения их значения для Руси. Сводка дополняется данными о путешествиях русских в Византию и греков на Русь.

Развитию источниковедческих исследований способствовали новые публикации византийских источников, появившиеся в конце XIX—начале XX в. В это время в России начинается издание афонских актов (Акты; Успенский П., 1877; Флоринский, 1880). С 1903 по 1913 г. в Приложениях к «Византийскому временнику» А. Пти, В. Регелем, Э. Курцем и Б. Кораблевым издаются акты шести афонских монастырей, составившие серию «Акты Афона». В. Регель опубликовал также сочинения византийских риторов, содержащие интересные нас сведения (FRB), и специальную подборку источников по русско-византийским отношениям (Analecta B.-R.).

В Западной Европе XIX в. идея историзма связывается с задачей критики источников, фонд которых значительно пополняется. Византинисты и филологи-классики школы Б. Г. Нибура с 1829 по 1897 г. выпускают 50-томный Боннский корпус писателей византийской истории (CSHB Bonn)—серия, которой ученые пользуются и поныне. В Италии выходят в свет тексты из рукописных коллекций Ватикана (Script. vet.; NPB; Juris ecclesiastici; Analecta). Во Франции также появляются

серии публикаций византийских источников К. Б. Газе (Leo Diac.), Э. Миллера (Recueil), а с 1857 г. начинает выходить «Патрология» Ж.-П. Миня—самое объемное (166 томов) серийное издание текстов византийских авторов (PG). На основе материалов этих изданий проводятся источниковедческие изыскания вплоть до сегодняшнего дня (см.: MM; Zach. Jus.; Bibliotheca graeca; Mich. Chon.).

Специальной работой, посвященной изучению византийских источников по истории государства и народов средневековья, стал труд К. Дитериха (Dieterich, 1912). Стремясь представить богатый материал византийских памятников, главным образом по географии и этнографии мира, автор подготовил немецкий перевод около 400 фрагментов почти 60 писателей за тысячелетний период византийской истории с V по XV в. Отдельные разделы посвящены кочевникам, славянам и Руси.

В 1929 г. Отделение общественных наук АН СССР решило приступить к изданию византийских, западноевропейских и арабских текстов, имеющих отношение к древнейшей истории Руси. Оживление дискуссий о Тмутараканском княжестве, о походах Руси на Константинополь (Истрин, 1916), о русско-византийских экономических и культурных связях (Присёлков, 1939) вызвало развитие новых конкретно-исторических и обобщающих исследований начиная с 1950-х годов: М. В. Левченко, А. П. Каждана, Г. Г. Литаврина, И. С. Чичурова, М. В. Бибикова. Был введен в научный оборот новый ценный материал по истории Руси. Вместе с тем, в работах этих исследователей формировались современные научные принципы источниковедческого анализа, основанного на выявлении внутренней логики памятника и оценке содержащейся в нем информации.

В зарубежной науке разработка тех же проблем проходила на фоне интенсивного освоения новых источников, в первую очередь материалов из афонских архивов (Hiland.; Мошин, 1947; Dölger, 1948, а также серийное издание «Архивы Афона»—Archives 1937—1994), содержащих ценные сведения по истории Руси. Исследования болгарских, румынских, венгерских византинистов (В. Н. Злотарского, И. Дуйчева, Н. Йор-

ги, Д. Моравчика) сопровождалось появлением сводов византийских источников по истории народов Восточной Европы и Причерноморья.

Важнейшей вехой стал выпуск томов свода «Древнейшие источники по истории Восточной Европы», включающего византийскую часть (Феофан; Константин; Кинн.), и «Свода древнейших письменных известий о славянах» (Свод). В свете этих изданий поставлены новые задачи исторических исследований—изучение типологии государственного строительства, общественной структуры Руси, форм синтеза, духовного наследия и традиций древнерусской культуры. Изменился и взгляд на средневековый текст в целом. Фактологическое, «потребительское» отношение к источнику уступило место восприятию культуры прошлого в категориях, адекватных представлениям изучаемого времени. Перед специалистом встает проблема не столько выборки из источника нужных ему отдельных фактов, сколько критического постижения сложности, многоплановости средневекового слова, передающего сообщение о событии.

Глава 1

Кто были анты?

Славяне и анты глазами византийцев.

V—VII вв.

Древнейший период славянской истории на территории нашей страны традиционно связывался с племенами венетов / венецов в позднеантичное время и антов в раннее средневековье. Начальный период истории Руси характеризуется как «антский» и в старой научной литературе (Державин Н. С., 1930, с. 5—47; Левченко М. В., 1938, с. 23—48; Горянов Б. Т., 1939, с. 101—111; Мишулин А. В., 1939, с. 290—307; Рыбаков Б. А., 1939; Дьяконов А. П., 1939; Греков Б. Д., 1944, с. 240—241), и в современной (Рыбаков Б. А., 1982, с. 49 и сл.; Толочко П. П., 1987, с. 15 и сл.). Однако вопрос об антской атрибуции древнейшей отечественной истории сложен.

Известия древних авторов о славянах составляют ограниченный и давно ставший хрестоматийным корпус источников, что привело в отечественной науке к парадоксальному явлению (Бибииков, Петрухин, 1992). Анализ источника стал подменяться «потребительским» поиском «совпадений» между данным того или иного фрагмента известий о славянах (или даже отдельных слов, будь то этникон или топоним) и материалами археологии, гидрономии и др., что приводит к бесконечно множимым теориям славянского этногенеза, размещения венецов / венетов и т. п.

Сведения античных авторов I—II вв. н. э. (Плиния, Тацита, Птолемея), а также Певтингеровой карты (см. Часть I) и византийского историка Приска Панийского (V в.) о венедах / венетах касаются быта варварских племен первых веков нашей эры. Собственно «славяне» (под своим именем-самона-

званием «словене») в этих источниках не упомянуты. Однако позднейшие (Иордан в сер. VI в.) отождествления венетов со славянами, а также исследования венетской лексики, передаваемой Приском, со времени Й. Шафарика (первая половина XIX в.) позволили связать эти сведения со славянами. Исследовательский метод славистов того времени основывался на сопоставлении и «увязывании» по возможности большего количества фактов с историей славянства. Оправданный для эпохи «славянского возрождения» и становления славяноведения, сейчас он выглядит прямолинейным и упрощенным.

Приск Панийский (410/420—около 475 г.)—византийский историк и дипломат, участвовавший в посольствах к гуннскому вождю Атилe (ум. 453 г.), ведший переговоры в Риме, Дамаске, Александрии и описавший как очевидец историю «варварских» завоеваний. Он называл описываемые им племена, находившиеся под властью гуннов, скифами. Этот собирательный этникон обозначает, в соответствии с византийской «архаизирующей традицией», северных варваров вообще, как кочевых, так и оседлых, без различия их этнической принадлежности. Описание быта этих скифов и вызывает «славянские» ассоциации: использование одnodеревок-моноксил в качестве судов (характерное для славян от первых балканских походов в VI в. до последнего похода Руси на Константинополь в 1043 г.), посевы проса, употребление «медового» и ячменного напитков и т. п. Правы исследователи, подчеркивающие этническую неопределенность этих «хозяйственно-культурных» характеристик; неясен и язык, которым пользуются эти варвары, не известен у славян и обычай «гостеприимного гетеризма», упоминаемый Приском у «скифов» («Правившая в селении женщина послала нам пищу и красивых женщин для соития. Это по-скифски знак уважения. Ласково поблагодарив женщин за предложенную еду, мы отказались от сношения с ними» [Prisc. Fr. 8: 40.8—41.3, цит. по: Свод, 1991, 87]).

Однако Л. А. Гиндину удалось показать вероятность отражения славянского языкового влияния в гидрониме Тиса у Приска (Свод, 1991, 92), а также древнейшую фиксацию у него в греческой транслитерации славянского слова «мед», обоз-

начающего медовый хмельной напиток, что свидетельствует о пребывании славян в Среднем Подунавье уже в правление Атилы, т. е. в середине V в. А это позволяет удревить время первого упоминания собственно славян (у Прокопия Кесарийского, см. ниже), пусть под названием «скифы», на полстолетия и, кроме того, внушает определенный оптимизм для поисков славянских археологических памятников гуннского времени (Баран, Гороховский, Магомедов, 1990, 70—71; ср. Вернер, 1972, 102—115; Славяне, 1989; Славяне, 1990).

Наиболее значительными и по объему, и по разнообразию известий о славянах являются свидетельства «Истории войн» (*Ἑπὲρ τῶν πολέμων λόγος* т. е. «Книги о войнах») Прокопия Кесарийского. Прокопий (ок. 500—ок. 560 гг.) вообще является центральной фигурой ранневизантийской историографии. Он был автором многочисленных и пространных сочинений в жанре исторической прозы: его «Истории», или «Войны», включают в себя два тома описаний войн с Сасанидским Ираном 530—532 гг. и 540—549 гг., два тома—войн с германскими племенами вандалов в Африке 533—534 гг., три—с готами 535—550 гг. и завершаются еще одной книгой (Прокопий, 1963—1964). Строительной деятельности Юстиниана посвящено сочинение «О постройках», где сообщается о пограничных войнах со склавинами в Подунавье, об укреплениях Таврики. Уникальным явлением в ранневизантийской историографии стала его неофициальная «Тайная история» (*Ἀνέκδοτα*), история-памфлет о царствовании Юстиниана. На Прокопия ссылаются, его тексты используют, компилируют, цитируют все последующие поколения византийских историков вплоть до XIV—XV вв. Но дело не только в объеме написанного Прокопием и не только в уникальности его исторических свидетельств, имеющих исключительное значение для историка.

Подобно многим ранневизантийским литераторам, Прокопий происходил с Востока: он родился в Палестине, в Кесарии Севастийской, в знатной, по всей видимости, семье, а образование—риторическое и, возможно, юридическое—получил также в одном из главных центров культуры византийского Востока—в Бейруте. Его дальнейшая жизнь—секретаря,

советника, посланника — тесно связана с судьбой могущественного полководца Велисария, с которым Прокопию удалось обойти многие земли: Сицилию, Карфаген в Африке, Италию, участвовать в многочисленных войнах и дипломатических переговорах с вандалами, готами, персами.

Существенным для оценки исторической информации Прокопия является то, что описываемые им земли и события он видел сам: принцип автопсии (личного присутствия автора) был для него основой «истины» — главной цели исторического познания, по утверждению автора (I. 1,3), противопоставлявшего в духе античной традиции «миф» и «историю».

Многие века, которые протекли со времен тех, кто раньше писал об этих войнах, внеся новое в положение дел, могли изменить то, что было прежде, в силу ли переселения племен, в силу ли следовавшей одна за другой перемены властей и названий; поэтому я счел крайне важным все это точно расследовать и изложить, а не те всем известные мифические легенды или древние сказания, не занимаясь расследованием, в каком месте Эвксинского Понта, по словам поэтов, был прикован Прометей; я ведь полагаю, что между историей и мифологией большая разница. Но я хочу точно изложить историю названий и описать материальную культуру и отношения, какие доныне присущи каждой из этих местностей (Просор. VIII. 1,11—13: П. Р. 489.15—490.3. Цит. по: Прокопий, 1996. Т. 2, с. 12).

Именно личному знакомству автора с изображаемыми событиями обязаны мы пространным описаниям народов, их обычаев, дальних земель: Прокопий донес до нас и уникальные сведения о древних славянах — склавинах и антах.

Племена эти, склавины и анты (*Σκλαβηνοί τε καὶ Ἄνται*) не управляются одним человеком, но издревле живут в народовластии, и оттого у них выгодные и невыгодные дела всегда ведутся сообща. А также одинаково и остальное, можно сказать, все у тех и у других, и установлено исстари у этих варваров. Ибо они считают, что один из богов — создатель молнии — именно он есть единый владыка всего, и ему приносят в жертву быков и всяких жертвенных животных. Предопределения же они не знают и вообще не признают, что оно имеет какое-то значение, по крайней мере в отношении людей, но когда смерть уже у них у ног, схвачены ли они болезнью или выступают на войну, они дают обет, если избегнут ее, сейчас же совершить богу жертву за свою

жизнь; а избежав (смерти), жертвуют, что пообещали, и думают, что этой-то жертвой купили себе спасение. Однако почитают они и реки, и нимф, и некоторые иные божества и приносят жертвы также и им всем, и при этих-то жертвах совершают гадания. А живут они в жалких хижинах, располагаясь далеко друг от друга и каждый меняя насколько можно часто место поселения. Вступая же в битву, большинство идет на врага пешими, имея небольшие щиты и копья в руках, панциря же никогда на себя не надевают; некоторые же не имеют [на себе] ни хитона, ни [грубого] плаща, но, приспособив только штаны, прикрывающие срам[ные части], так и вступают в схватку с врагами. Есть у тех и других и единый язык, совершенно варварский. Да и внешнеюстью они друг от друга ничем не отличаются, ибо все и высоки, и очень сильны, телом же и волосами не слишком светлые и не рыжие, отнюдь не склоняются и к черноте, но все они чуть красноватые. Образ жизни [их] грубый и неприветливый, как у массагетов, и, как и те, они постоянно покрыты грязью,—впрочем, они менее всего коварны и злокозненны, но и в простоте [своей] они сохраняют гуннский нрав. Да и имя встарь у склавинов и антов было одно. Ибо и тех и других издревле звали «спорами», как раз из-за того, думаю, что они населяют страну, разбросанно расположив свои жилища. Именно поэтому они и занимают невероятно обширную землю: ведь они обретаются на большей части другого берега Истра (Проскор. VII. 22—30; II. Р. 357.9—358.26. Цит. по: Свод, 1991, 183—185).

Использование архаичной (античной) этнономии и образных стереотипов у Прокопия—дань литературным нормам историописания—не противоречит реальности свидетельства очевидца: этикетность словоупотребления при описании «этнического портрета» варвара лишь оттеняется характерными индивидуальными деталями, подмеченными историком-очевидцем. Так, традиционными при описании «варварского» мира в византийской историографии становится еврипидовская тема вероломства, коварства «скифов» и—одновременно—геродотовский мотив простоты их нравов, наивности, неиспорченности «цивилизацией». Это видимое противоречие снимается, если принять во внимание культивируемый Прокопием, как ученым литератором, принцип подражания («мимесиса») античным образцам прозы. Многочисленные параллели или скрытые цитаты из Геродота и Фукидида, его стилистическая ориентация на античные памятники не превращают в беллетристическую фикцию, например, описание эпидемии чумы в

современной ему Византии, построенное на образах аналогичного описания у Фукидида; идеализация мира «варваров», истоки которой уходят в «Скифский рассказ» Геродота, не менее актуальна и для византийца VI в.

В первом же упоминании у Прокопия склавины и анты объединены с «гуннами», причем составляют с ними конное войско: само по себе это сообщение продолжает тему «этносоциального симбиоза» славян и кочевых народов—в данном случае под «гуннами» подразумеваются, видимо, протоболгары. В целом, в этнографической характеристике склавинов и антов присутствуют известные стереотипы описаний варваров, но многие черты их быта соответствуют реалиям, известным по археологическим данным. Так, отмеченная Прокопием смена мест поселений характерна для подсечно-огневого способа земледелия. Утверждение Прокопия о едином и «совершенно варварском» языке склавинов и антов представляется существенным, так как сам этникон «анты» неславянский.

Напротив, в сохранившемся фрагменте из сочинения «Ответы на вопросы» Псевдо-Кесария середины VI в. (Свод, 1991, 251—259), видимо, абсолютно преобладают стереотипы описания «диких» народов, и параллели в рассказах о верованиях и обрядах славян с традиционной славянской атрибутикой скорее относятся к похожим, но общим характеристикам «нечистых» народов и «нечистой силы», чем к реалиям славянского быта.

Анты упоминаются также в титулатуре византийских императоров (533—612 гг.) наряду с прочими «подвластными» Византии народами. Они называются между германцами и аланами, но не восточноевропейскими, а африканскими (Свод, 1991, 260—264). В «Хронографии» Иоанна Малалы (ок. 491—578 г.), напротив, упомянуты одни «склавы», которые опять-таки совместно с «гуннами» (здесь—кутигурами) нападали на Фракию в 559 г. (Свод, 1991, 265—275). Об опустошительном походе славян на Фракию в царствование Тиверия свидетельствует сирийский автор VI в., бывший антиохийским патриархом и нашедший затем прием у Юстиниана в Константинополе,—Иоанн Эфесский (Свод, 1991, 276—292). Следующий по-

ход они совершают, согласно сирийскому источнику, будучи под властью аваров; греки подкупают антов, и те нападают на землю славян. О столкновениях антов и славян сообщал еще Прокопий (VII.14.7: II. Р. 354.22—24 и др.), но более существенным представляется в этой связи их раздельное упоминание в более поздних источниках. В дальнейшем, у византийского историка Агафия Миринейского (ок. 530—ок. 582), жизнь которого была в основном связана со столицей, а также с другими центрами образованности византийского мира—с Александрией и Смирной, также вне всякой связи друг с другом будут фигурировать ант Дабрагез и славянин Сваруна (Свод, 1991, 292—310).

Славянская принадлежность этих имен дискуссионна, и первое, более или менее определенно славянское («антское») имя Мезамер сохранено у Менандра Протектора (Свод, 1991, 316—317). Конечно, ономастикон не может прямо свидетельствовать об этносе антов, даже при учете этнически смешанного характера пеньковской культуры, которая считается антской (Бибииков, Петрухин, 115). Но в принципе детальное исследование ономастикона значительно расширяет возможности изучения того германо-ирано-тюркского контекста, в котором проходила ранняя история славянства.

«История» (*Ἱστορία*: название условно) константинопольца VI в. Менандра Протектора сохранилась лишь фрагментарно: дошедшие до нас фрагменты текста описывают события с 558 г. до воцарения византийского императора Маврикия (582 г.). Менандр получил юридическое образование, однако судебной практикой не занимался: при Маврикии он служил в императорской гвардии (отсюда и его «имя»—прозвище—«протектор»).

В центре интересов автора оказываются прежде всего внешнеполитические отношения Византийской империи с аварами, тюрками, славянами, гуннами. Составной частью повествования становятся географические, этнографические, историко-культурные экскурсы о них. Менандр стремится к точности изложения полученной информации, причем не столько опирается на слухи и легенды, сколько прибегает к текстам

документов, посланий, договоров, военных и дипломатических донесений. Его информация о славянах и антах (Свод, 1991, 311—356) особенно ценна своей достоверностью, обилием и точностью непосредственных наблюдений.

Для этнополитических взглядов Менаандра интересна его терпимость по отношению к иноплеменным народам, редкая для византийца-ортодокса. Так, тюрки не называются в «Истории» «варварами», а иноземный правитель может фигурировать в качестве «брата» (т. е. равного по социальному статусу) византийского василевса (императора). Такое отношение к бывшим противникам раннесредневековой Византии могло бы пониматься как отражение новой ориентации византийской внешнеполитической доктрины в условиях реалий конца VI в., когда на смену гордому имперскому изоляционизму приходило сознание партнерства и соседства с окружающим, политически сильным миром. Однако Менаандру свойственны и многочисленные уничижительные оценки варваров:

Так самонадеянно сказали славяне, но и авары продолжали говорить не менее высокомерно. Затем отсюда — оскорбления и грубости, и, как это присуще варварам, они из-за своенравного и надменного образа мыслей затеяли ссору друг с другом. И славяне (*Σκλαβηνοί*), не способные обуздать свою досаду, прибывших к ним послов убивают, как это — разумеется, со стороны, — стало известно Баяну (хакану, т. е. правителю аваров). Потому-то Баян, издавна упрекая в этом славян и питая к ним затаенную вражду вообще, гневаясь [на то], что не подчинились ему, а тем более что [он] жестоко от них потерпел, а вместе с тем и желая выказать кесарю благодарность и надеясь также найти страну [славян] весьма богатой, так как издавна [земля] ромеев [опустошалась] славянами, их же собственная [славянская] земля каким-либо другим из всех народов — никоим образом (фрагмент обрывается) (Menand. Fr. 48. Цит. по: Свод, 1991, 321).

Это описание включено в рассказ об одном из древнейших периодов славянской истории, датируемом 578 г. — славяно-аварской войне, последовавшей за разграблением славянами Греции между 576 и 578 гг.

Менаандр передает также важнейшие известия об аварском периоде антской истории, в частности, об опустошении авара-

ми земли антов около 560 г. После 60-х годов VI в. источники больше не сообщают об антских набегах вплоть до начала VII в. (в титулатуре византийских императоров). Таким образом, очевидно характерное для текстов второй половины VI в. разделение исторических судеб антов и славян—первые прекращают походы на империю, вторые, напротив, начинают заселять Грецию (см. ниже сведения Иоанна Эфесского).

В византийском анонимном военном трактате, составленном после 70-х гг. VI в. (Свод, 1991, 361—363), анты и склавы упомянуты в одном контексте с «сарацинами», что напоминает о традиционном объединении славян и антов с кочевниками в ранних источниках, если бы не дальнейшее противопоставление их «скифам» (аварам и «туркам» у Маврикия, который пользовался тем же источником, что и аноним).

Важнейшие сведения по военной истории антов и славян содержатся в выдающемся памятнике византийской военной литературы—«Стратегиконе», автором которого ныне, кажется, без сомнений (см. Кучма, 1982, 45 и сл.), считается император Маврикий (582—602 гг.).

Эта своего рода энциклопедия военно-теоретической мысли предназначалась и для обучения воинов и военачальников, и для практического применения в качестве руководства по ведению военных операций, по стратегии и тактике.

Примеры хода кампаний приводятся из арсенала исторических свидетельств о битвах ромеев-византийцев с неприятельскими армиями, прежде всего «варварскими», а также, возможно, и из собственного воинского опыта автора или его информаторов. Этим объясняется и важная роль в структуре текста памятника многочисленных этнографических экскурсов о соседних народах и государствах. Помимо военно-технической стороны дела—описания приемов атаки и обороны «персов», «скифов», «гуннов», склавинов или антов, Маврикия интересует и политический строй, обычаи, нравы, внешний облик иноземцев. Так в византийской традиции создавался и закреплялся определенный этикетный стереотип описания мира варваров. Судьба народов, их история, военные и политические успехи и неудачи определяются, по мысли Маври-

кия, моральными качествами нации, ее правителей и носителей культуры, общим уровнем цивилизации этноса.

Четвертая глава XI книги «Стратегикона» специально посвящена славянам («склавам») и антам:

(1) Племена склавов и антов одинаковы и по образу жизни, и по нравам; свободные, они никоим образом не склонны ни стать рабами, ни повиноваться, особенно в собственной земле. (2) Они многочисленны и выносливы, легко переносят и зной, и стужу, и дождь, и наготу тела, и нехватку пищи. (3) К прибывающим к ним иноземцам добры и дружелюбны, препровождают их поочередно с места на место, куда бы тем ни было нужно; так что если гостю по беспечности принявшего причинен вред, против него начинает вражду тот, кто привел гостя, почитая отмщение за него священным долгом. (4) Пребывающих у них в плену они не держат в рабстве неопределенное время, как остальные племена, но, определив для них точный срок, предоставляют на их усмотрение: либо они пожелают вернуться домой за некий выкуп, либо останутся там как свободные люди и друзья. (5) У них множество разнообразного скота и злаков, сложенных в скирды, в особенности проса и полбы. (6) Жены же их целомудренны сверх всякой человеческой природы, так что многие из них кончину своих мужей почитают собственной смертью и добровольно удушают себя, не считая жизнью существование во вдовстве. (7) Живут они среди лесов, рек, болот и труднопреодолимых озер, устраивая много, с разных сторон, выходов из своих жилищ из-за обычно настигающих их опасностей; (8) все ценное из своих вещей они зарывают в тайнике, не держа открыто ничего лишнего. (9) Ведя разбойную жизнь, они любят совершать нападения на своих врагов в местах лесистых, узких и обрывистых. С выгодой для себя пользуются засадами, внезапными нападениями и хитростями, ночью и днем, выдумывая многочисленные уловки.

(12) Пребывая в состоянии анархии и взаимной вражды, они ни боевого порядка не знают, ни сражаться в правильном бою не стремятся, ни показаться в местах открытых и ровных не желают.

(14) Они вообще вероломны и ненадежны в соглашениях, уступая скорее страху, нежели дарам. Так как господствуют у них различные мнения, они либо не приходят к соглашению, либо, даже если и соглашаются, то решенное тотчас же нарушают другие, поскольку все думают противоположное друг другу и ни один не желает уступить другому.

(30) Поскольку у них много вождей и они не согласны друг с другом, нелишне некоторых из них прибрать к рукам с помощью речей или даров, в особенности тех, которые ближе к границам, а на других

нападать, дабы враждебность ко всем не привела бы к [их] объединению или монархии (Maug. XI.4, цит. по: Свод, 1991, 369—375).

Итак, в «Стратегиконе» Маврикия в конце VI в. склавы и анты вновь «объединены» и характеризуются часто в соответствии с традиционными описаниями варварских народов (отсутствие «порядка» и власти, «вероломство в соглашениях» и т. п.). В. В. Кучма справедливо отмечает, что «в отличие от Прокопия, Маврикий нигде не говорит о каком бы то ни было этническом родстве склавов и антов, указывая лишь на единство их нравов» (Свод, 1991, 380). «Актуальными», относящимися к реалиям славянского быта являются известия о хозяйстве, скотоводстве и земледелии; в принципе они соответствуют археологическим данным, но в литературе существует некоторая путаница в определении «хозяйственно-культурного типа» славян — подсечно-огневой способ подготовки пашни не является альтернативой пашенному земледелию (Бибииков, Петрухин, 115). Неясно, насколько соответствует реалиям представление о самоубийстве вдовы на похоронах мужа: сходные известия содержат позднейшие восточные источники о славянах и русах, в языческой Руси действительно практиковались парные погребения в X в., но подобный обычай у славян археологически не известен. Описание поселений в целом соответствует синхронным археологическим памятникам (пражская культура VI—VII вв. и др.).

В целом несомненно положительным моментом современного подхода к антской проблеме следует считать осторожность в вынесении исторических вердиктов, отказ от упрощенных атрибуций, демонстрация в ряде случаев спорности предлагаемых различными учеными решений. Так, в связи с анализом текста Приска вопрос об отношениях гуннов со славянами и о вхождении славян в гуннский союз неясен ввиду отсутствия прямого свидетельства об этом. Тем более важным и деликатным делом оказывается этимологический анализ слов *στράβα*, *μέδος*, *κάμον* («страва», «мед», «камон») при решении проблемы о месте славян в структуре гуннского государственного образования. Равным образом открытым следует считать

и вопрос о статусе первых известных славянских наемников в византийской армии.

Это же касается и оценки главных атрибутов этно-психологического стереотипа славян. Так, указание Приска на использование придунайскими жителями моносил (лодок-однодеревок)—упоминается еще у Платона, Аристотеля, Ксенофонта и Страбона—само по себе не может определять славянское население описываемых в текстах областей: однодеревки именно у славян зафиксированы в источниках более поздних, VII—X в.,—у Феофилакта Симокатты, в Пасхальной хронике, у Константина Багрянородного и др. Таким же образом, свидетельство Приска об употреблении проса придунайскими жителями не может служить само по себе аргументом в пользу славянской атрибуции, ибо о распространении проса в Причерноморье и на Балканах свидетельствовали в свое время и Геродот, и Плиний, и Дион Кассий и многие другие; об употреблении проса именно славянами расскажет почти через полтора столетия после Приска лишь «Стратегикон» Маврикия. С другой стороны, верно, что почерпнутые из античного арсенала образы и словесные формулы, характеризующие «варваров», охотно применялись средневековыми историками при описаниях современного им мира, в частности, славянского. Так, выражение «скифская пустыня», известное со времен Аристофана, использовано Прокопием и затем более поздними византийскими авторами.

Подведем итоги. Оживление интереса в современной византинистике и славистике к изучению образа («имиджа») одного народа в историческом сознании другого тесно связано с тенденциями развития самой историографии, и в частности источниковедения, последних лет. Перед византинистами встала задача восстановления изучаемой ими культуры в категориях, адекватных ей. В анализе византино-славянских отношений это выразилось в стремлении охарактеризовать структуру образа «чужого мира», формировавшегося на страницах средневековых текстов. В центре интересов исследователей оказались представления средневековых народов различных, подчас противостоящих друг другу культур. Научной задачей

стало не только воссоздание преломленного в специфических категориях и видениях образа чужого мира, но и выяснение того, был ли этот образ предпосылкой или результатом реальных исторических контактов, оказывали ли средневековые стереотипы влияние на направление развития этих контактов или сами трансформировались, и чем в этом случае эти изменения диктовались.

Понятие «чужого» («иногo») мира возникает при условии утверждения принципа своетождества, обоснования понятий «своего», самобытного. Границы между обеими категориями как культурно-историческими явлениями подвижны. «Чужой мир» представляется как «терра инкогнита»: это — или пустыня, или непроходимые горы, пространство «без образа», открытое и неконкретное в своих очертаниях. Выделяется несколько принципов описания «чужого мира», как мира неведомого: он полон аномалий; он всегда удел меньшинства — этнического, религиозного, расового; он полон «варварства» и отталкивающе чужд. Еще со времен Геродота грекоязычной историографии свойственно представление о «варварских» народах как обществах «без истории».

Историческая подвижность границ понятия «своеотждество» отражается на всей системе общественных отношений: это хорошо иллюстрирует история распространения христианского мирозозерцания. В IV в. постепенное превращение христианского общества из общества маргинального, «отчужденного» — в социально и политически «признанное», а к концу века — в общество господствующее, привело к тому, что понятие римско-языческого своетождества трансформировалось в главенство византино-христианского принципа. В дальнейшем под этим углом зрения будут оцениваться и перемены в византино-славянских и византино-русских взаимоотношениях. Таким образом, исторически динамичной предстает вся система координат социальных взаимоотношений изучаемых культур, в том числе византийской и «варварской» — христианской и языческой, греческой и славянской.

Византийские авторы постоянно сетовали на враждебное окружение. Христианизация «варваров» вносила изменения

как в отношении византийцев к бывшим врагам, так и в положение некогда враждебных народов в иерархической системе государств, выработанной византийскими идеологами. Христианские народы включались ими в орбиту византийского культурного мира, не отождествляясь, однако, с византийцами в этносоциальном отношении.

В этой связи важен анализ механизма формирования образа «инога» мира в византийской идеологии. Образ славянина в Византии сформировался с учетом представлений византийцев о самих себе, с одной стороны, и образа Византии у славян—с другой. Этот образ не оставался неизменным, но подвергался эволюции: так, если на первом этапе несомненно престижное положение Константинополя у славян (Преслав и Киев олицетворяли в своих землях образ-«имидж» Царьграда), то затем происходит снижение образа византийской столицы; с падением Константинополя возрастут национальные тенденции в славянской публицистике, и, наконец, все отчетливее будут ощущаться антивизантийские мотивы.